

После того, как мелодия закончилась, рука Нин Циншань мгновенно упала. Боль в кончиках пальцев вызвала судороги в руках. Нервы кончиков пальцев связаны с сердцем. Если бы не тот факт, что это было очень важное событие, она бы сдалась раньше.

Евнух спустился вниз и помахал им рукой, чтобы они ушли со сцены. Благородные девушки с любопытством смотрели на Нин Циншань.

Нин Сюэянь подошла и обняла ее.

– Третья сестра, что случилось? – мягко спросила она. – Ты повредила себе руку?

В глазах окружающих людей слова Нин Сюэянь звучали так, как будто она была очень обеспокоена. Но с точки зрения Нин Циншань, она могла чувствовать только холод и насмешку, которые Нин Сюэянь даже не пыталась скрыть.

«Нин Циншань пыталась подставить меня. Она думала, что я беззащитная дурочка? Не прими я мер, это моя рука была бы ранена сейчас, и на меня все смотрели бы с неодобрением!»

Благородная супруга Йа защищала Нин Циншань, чтобы та могла успешно доиграть свою композицию до конца. А как же Нин Сюэянь? Если бы это случилось с ней, никто не стал бы защищать ее. Тогда что же с ней будет?

Но на этом дело не закончится. Нин Циншань и благородная супруга Йа будут исподтишка мусолить этот вопрос, и бросят на нее тень подозрения. Чтобы избежать этого, она должна раскрыть все перед императором и императрицей. Таким образом, какое-то время они не смогут поднимать тревогу. Если она не заговорит сейчас, у них будет повод подставить ее в будущем...

Ее слова заставили Нин Циншань переключить внимание с яростной борьбы, чтобы сдержать боль, на Нин Сюэянь. Она свирепо уставилась на нее, и ее голос противно закрипел:

– Это ты, злобная женщина, подставила меня, не так ли?

Нин Сюэянь, похоже, не замечала, что с Нин Циншань что-то не так. Она указала на следы крови на ее рукаве и в панике воскликнула:

– Третья сестра, что случилось? У тебя повреждена рука? Давай, давай срочно найдем императорского врача!

Нин Циншань ненавидела Нин Сюэянь так сильно, что вся боль в ее пальцах превратилась в ненависть к Нин Сюэянь. При таких обстоятельствах, как она могла сохранять спокойствие и оставаться рациональной? Она сильно оттолкнула Нин Сюэянь и сердито закричала:

– Это ты, верно? Ты специально испортила мою цитру так, чтобы я не могла на ней играть, да?

Неужели кто-то осмелился вмешаться в игру на цитре в присутствии императора?

Весь зал был в смятении.

Император сидел с холодным видом, и никто не мог понять, о чем он думает по выражению его лица. Императрица держалась с достоинством. Благородная супруга Йа не могла усидеть на месте, и в ее глазах билась тревога.

Ао Чэньи повернулся к Нин Сюэянь. Он бросил взгляд своих длинных, узких и холодных глаз на спокойствие в глазах Нин Сюэянь и неожиданно усмехнулся. Казалось, что лисенок вовсе не был напуган! Он вдруг захотел посмотреть на веселье.

Лицо Ао Минъю потемнело. Он не был таким уж нежным, как обычно. Теперь все вышло из-под его контроля.

– Третья сестра, что ты такое говоришь? Я не понимаю, что я сделала? Ты сама принесла сюда цитру. Неужели ты думаешь, что я могу попросить о таком евнухов во дворце? – мягко спросила Нин Сюэянь, и в ее глазах промелькнуло легкое удивление. Затем она слабо улыбнулась и растерянно отпустила руку Нин Циншань. Ее тон не был ни высокомерным, ни смиренным, но он был более убедительным, чем визгливый крик Нин Циншань.

Пятая юная леди жила взаперти в своем дворе уже много лет. Причина, по которой никто не слышал о ней, заключалась в том, что мадам Линг намеренно подавила ее в поместье герцога-защитника. Мадам Линг даже помешала вовремя состояться похоронам ее родной матери. Девушка оказалась в бесправном положении в поместье герцога-защитника, так как же она могла сделать что-то во дворце?

Из-за боли Нин Циншань почувствовала головокружение. В это время ей было все равно, что она находится в главном зале императорского дворца. Она указала на Нин Сюэянь и злобно заорала:

– А, это ты! Ты! Ты, должно быть, подкупила евнуха во дворце за деньги! Ты нарочно подсунула мне сломанную цитру и вынудила меня пораниться!

Ходили слухи, что она вся состояла из «почтительности и благонравия». Но теперь ее образ был разрушен ее же действиями.

Нин Циншань была уже совсем не тем человеком, о котором говорили, что он скромно молился в монастыре в течение трех лет и игнорировал светский мир. Тогда она выглядела невозмутимой и отстраненной от мирских желаний. Но сейчас она агрессивно кричала. Она указала на свою младшую сестру и во всеуслышание обвинила ее перед императором. Она вообще не проявляла никаких признаков соблюдения светского этикета. Во всем ее существовании не осталось и следа благовоспитанности и деликатности.

Буддийская семья призывала «пожертвовать телом, чтобы накормить тигра». Нынешняя ситуация выглядела совсем не так. После трех лет медитации Нин Циншань пользовалась хорошей репутацией. Оказалось, что это всего лишь игра на публику и ложь!

Размышляя обо всех недобрых слухах о Нин Циншань, многие люди не верили им. Но теперь, когда они увидели поведение Нин Циншань, они не могли избавиться от чувства скептицизма. Похоже, что третья юная леди поместья герцога-защитника завоевала свою популярность, обманывая публику. Даже несколько императорских наложниц заговорили о ней.

Благородная супруга Йа больше не мог усидеть на месте. Она посмотрела на императора, который сидел на троне с мрачным лицом.

– Ваше Величество, позвольте, я спущусь и посмотрю. Я не знаю, что делают эти две юные леди. Должно быть, это связано с семейными делами поместья герцога-защитника. Как они могут так себя вести...

Было бы гораздо менее жестоко приписывать это к делам поместья герцога-защитника. Благородная супруга Йа хотела представить все так, но другие – нет.

– Сестра Йа, это касается не только семейных дел поместья герцога-защитника, – неуверенным голосом произнесла благородная супруга Шу, сидевшая рядом. – Сговор с евнухами во дворце – неужели они способны на такое? Тогда будет ли в следующий раз подкуп евнуха угрожать безопасности императора и императрицы?

Услышав, что сказала благородная супруга Шу, император еще синее нахмурился.

– Да, это не... это выглядит нехорошо, – благородная супруга Йа смущенно посмотрела на императора, а потом умоляюще посмотрела на императрицу.

– Заставь их остановиться сейчас же. Другие благородные девицы уже ждут очереди выступить, – пришла ей на помощь императрица.

Хотя у императрицы не было детей, она была хозяйкой шести дворцов гарема. В такой ситуации никто не посмел бы усомниться в ее решении, если бы император не сказал своего слова.

Благородная супруга Шу не могла больше вмешиваться, услышав ее приказ. Она могла только наблюдать, как благородная супруга Йа поспешила вниз.

– Третья сестра, откуда ты так хорошо это знаешь? Раз ты так думаешь, давай выясним, кто повредил цитру. – Нин Сюэянь улыбнулась и тихо сказала Нин Циншань: – Мы также можем спросить, кому была послана эта цитра.

Кому была послана цитра?

Нин Циншань внезапно пришла в себя, и сразу задрожала, хотя ее пальцы болели. Кому была послана цитра? Она была предназначена Нин Сюэянь. Однако она не знала, как она оказалась у нее.

Когда Цайфэнь подкупила евнуха прошлой ночью, она была в гриме. Евнух может и не узнать ее. Но незадолго до этого Цайфэнь выбрала эту цитру и сказала, что она предназначена для Нин Сюэянь.

Если бы это случилось с Нин Сюэянь, Нин Циншань могла бы легко оправдаться. Даже если бы было известно, что она послала служанку, чтобы выбрать эту цитру, маленький евнух мог бы засвидетельствовать, что Цайфэнь ничего не делала в то время, потому что она просто выбрала цитру для Нин Сюэянь. Не было ничего необычного в том, что она, как сестра, выбрала цитру для Нин Сюэянь.

Ну и что с того, что Нин Сюэянь была бы ранена и опозорена? Никто в зале не поверил бы, что пятая барышня, которую ничему не учили, умела играть на цитре. Скорее всего, она не умела играть, поэтому сама намеренно повредила руку и переложила ответственность на сестру.

Но сейчас все было иначе – она сама играла на поврежденной цитре. К тому же именно она послала свою горничную выбрать эту цитру для Нин Сюэянь. Хотя она не знала, как той удалось подменить ее цитру, она теперь не могла очиститься от подозрения, что изначально она хотела подставить Нин Сюэянь, ведь только выбранная ею для нее цитра оказалась испорченной.

Когда она осознала это, то сразу же забыла о сильной боли.

Это происшествие ни в коем случае нельзя было расследовать!

В ее голове мгновенно прояснилось, когда она осознала последствия и то, что она оказалась в опасной ситуации.

Нин Циншань широко раскрыла глаза и повернулась к Нин Сюэянь. На ее лице отразилось страдание. Она протянула окровавленную руку и жалобно прошептала:

- Пятая сестра, мне больно.

После того, как она заговорила, ее глаза закатились, и она упала в обморок. Горничная, стоявшая за ней, протянула руки и попыталась подхватить ее.

К этому времени благородная супруга Йа подошла к ним и крикнула стоящему рядом евнуху:

- Поторопись, помоги ее поднять! Позовите императорского врача!

Затем набежали дворцовые служанки. Они утащили Нин Циншань из зала, наполовину поддерживая и наполовину неся ее. Нин Сюэянь поклонилась императору и императрице, сидящим в отдалении, и почтительно удалилась.

Выйдя на улицу, она сразу поспешила в флигель, где переоделась в свою обычную одежду и вернулась в главный зал. Цитра Нин Циншань была убрана, и слабые пятна крови на полу были смыты. Однако это было необъяснимо жутко. Может быть, потому, что они были напуганы этим, остальные благородные девушки показывали только средние представления.

После того, как все выступления были закончены, император не сказал ни слова. Он ушел вместе с императрицей и своими наложницами. Как ключевая персона, ответственная за проведение праздника, благородная супруга Йа отправилась с императорским врачом. Видя, что никто не обращает на нее внимания, Нин Сюэянь ушла с Лан Нин из зала.

Выйдя на улицу, она увидела, что маленького евнуха, который отвечал за инструменты, безжалостно били палками. Хотя его рот был заткнут кляпом, каждый раз, когда его били, можно было видеть боль на его лице.

Проходя мимо, Нин Сюэянь холодно смотрела, как мучают евнуха. Она равнодушно посмотрела на него и направилась к воротам главного зала. Место, где пытали евнуха, находилось на обочине дороги. Два евнуха злобно били его палками, похожими на весла. Никто не считал количество ударов, а это означало, что его забьют до смерти. Они не остановятся, пока он не умрет.

Когда она проходила мимо обреченного евнуха, тот с ненавистью взглянул на Нин Сюэянь.

Хотя она чувствовала себя неловко, Лан Нин сразу встала перед Нин Сюэянь и заслонила ее от злобного взгляда евнуха.

Нин Сюэянь шла дальше, как будто здесь больше никого не было и ничего не происходило. Она выглядела спокойной и невозмутимой. Казалось, что она даже не заметила весла с прилипшими к нему окровавленными кусками плоти.

Выйдя из зала и раздумывая о том, что произошло, Нин Сюэянь зашагала дальше. Сегодня

день был обречен быть беспокойным. Хотя с утра казалось, что ничего не произойдет.

Нин Циншань хотела подставить ее, поэтому намеренно выбрала длинную композицию. Играй она на той цитре, после того, как все закончилось, ее рука была бы серьезно повреждена.

Намерение Нин Циншань состояло в том, чтобы она повредила себе руку, не смогла играть и была изгнана с позором. Но, к несчастью, теперь она сама расхлебывала кашу, которую заварила.

Нин Сюэянь задалась вопросом, будет ли ей всегда так везти?..

Думая об этом, она не переставала идти вперед. Незаметно для себя она подошла к уединенной дорожке. В это время она не хотела встречаться ни с кем во дворце, поэтому была полна решимости пойти туда, где было поменьше людей.

Лан Нин спокойно последовала за ней. Зная, что хозяйка о чем-то думает, она благоразумно молчала.

На этой дороге было безлюдно. Внезапно они услышали тихий горестный вздох. Нин Сюэянь тут же остановилась. Как здесь вообще кто-то может быть?

.

<http://tl.rulate.ru/book/26149/926238>